

Классическая Фэнтезийная Тайна

ТАЙНА МЕРТВОГО МАХОВИКА

Путешествие в Архив Непрожитых Дней

Алекс Виардо

Путешествие в архив непрожитых дней. Тайна мертвого маховика

<https://litres.ru/74445242>

SelfPub; 2026

Аннотация

Большинство людей наивно полагают, будто время — это невидимая река, текущая сама по себе, или абстрактное понятие, изобретенное философами. Они смотрят на свои наручные часы, слушают бой курантов на ратуше и верят, что секунды сменяют друг друга просто потому, что таков закон природы.

Они ошибаются.

У времени есть вес, плотность и температура. У него есть запах — смесь машинного масла, каленой меди и грозового озона. Но главное — у времени есть изнанка.

Глубоко под мостовыми городов, под корнями вековых сосен и пластами каменного угля бьется колоссальное, сокрытое от человеческих глаз сердце мира — Подциферблатье. Там, среди исполинских зубчатых передач, парящих медных галерей и ревущих паровых турбин, горстка хранителей изо дня в день удерживает реальность от соскальзывания в хаос. Если хотя бы

одна цапфа сточится от трения, если лопнет тончайшая золотая пружина-волосок или заклинит обратный храповик — стрелки застынут.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.	5
ГЛАВА 1. ДЕВЯНОСТО УДАРОВ СЕРДЦА	7
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Путешествие в архив непрожитых дней. Тайна мертвого маховика

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Большинство людей наивно полагают, будто время — это невидимая река, текущая сама по себе, или абстрактное понятие, изобретенное философами. Они смотрят на свои наручные часы, слушают бой курантов на ратуше и верят, что секунды сменяют друг друга просто потому, что таков закон природы. Они ошибаются. У времени есть вес, плотность и температура. У него есть запах — смесь машинного масла, каленой меди и грозового озона. Но главное — у времени есть изнанка. Глубоко под мостовыми городов, под корнями вековых сосен и пластами каменного угля бьется колоссальное, сокрытое от человеческих глаз сердце мира — Подциферблатье. Там, среди исполинских зубчатых передач, парящих медных галерей и ревущих паровых турбин, горстка хранителей изо дня в день удерживает реальность от соскальзывания в хаос. Если хотя бы одна цапфа сточится от трения, если лопнет тончайшая золотая пружина-волосок или заклинит обратный храповик — стрелки засты-

нут. Наступит Срыв Вечности: полдень превратится в ледяной склеп, где капли дождя повиснут в воздухе хрустальными бусинами, а завтрашний день просто никогда не наступит. Эта история началась в обычную дождливую пятницу в маленьком городке Мейпл-Крик, в полутемной часовой мастерской, пахнувшей лавандой и сухим деревом. Она рассказывает о том, как мальчик с сачком для ловли бабочек, гениальная девочка с одним ботинком, старый мастер с боевым хроно-молотом и ворчливый заводной жук спустились в преисподнюю шестеренок. Но прежде всего это рассказ о том, почему нельзя остановить мгновение — даже если оно кажется самым прекрасным на свете, — и о том, как однажды семь минут человеческого милосердия спасли целую вселенную.

ГЛАВА 1. ДЕВЯНОСТО УДАРОВ СЕРДЦА

Если старые карманные часы вдруг начинают тикать против часовой стрелки, самое глупое, что можно сделать, — это потрясти их.

Зак потряс. Причём от души, словно надеялся вытрясти из них застрявшую монетку или как минимум порцию здравого смысла.

В ту же секунду мир вокруг издал странный звук — нечто среднее между звоном лопнувшей гитарной струны и щелчком выключателя. Пылинки, лениво кружившие в косом луче чердачного солнца, внезапно замерли, превратившись в россыпь крошечного золотистого бисера. За круглым слуховым окном толстый голубь завис в воздухе прямо посреди взмаха: его сизые перья застыли так нелепо, будто птицу прикололи невидимой булавкой к картонному небу городка Мейпл-Крик. Звук проезжавшего по Первой авеню ярко-зелёного мусоровоза растянулся в утробный гул, похожий на песню сонного кита, а затем и вовсе растворился в звенящей пустоте.

Тишина стала такой плотной, что её, казалось, можно было резать масляным ножом.

— Ну вот, опять, — буркнул Зак вслух. Его собственный

голос прозвучал сухо и плоско, без малейшего эха.

В свои одиннадцать лет Зак Фостер обладал выдающимся талантом: его руки всегда действовали со скоростью летящей стрелы, в то время как здравый смысл тащился где-то далеко позади, словно загружался через школьный Wi-Fi в разгар грозы.

Его дедушка, Артур Фостер, был человеком исключительной строгости и обладателем самых пушистых белых бровей во всём штате Мэн. Работая часовым мастером, дедушка держал чердак за семью висячими замками из воронёной стали и повторял одну и ту же фразу перед каждым завтраком: *«Зак, никогда не трогай вещи, которые тикают не в такт твоему пульсу. Особенно если от них пахнет грозой и жжжёным сахаром»*.

Но сегодня в восемь утра дедушка спешно засунул в кожаный саквояж пару медных штангенциркулей, натянул своё пальто цвета болотного мха и объявил, что уезжает в Бостон на ежегодную конференцию Ассоциации прогрессивных часовщиков.

И всё бы ничего, но прямо в замочной скважине верхней чердачной двери он забыл связку ключей. Самый длинный из них имел зубья в виде крошечных шестерёнок.

Удержаться было физически невозможно. Любой мальчишка на месте Зака поступил бы точно так же.

И вот теперь в ладони Зака лежал странный хронометр из тяжёлой потемневшей меди. На его крышке был выгравиро-

ван трёхглазый ворон с шестерёнкой в клюве, а две стрелки — тонкие, словно швейные иглы, — с бешеным стрекотом неслись назад, отсчитывая минуты в обратную сторону.

Вдруг из тёмного угла под стропилами, где громоздились стопки пожелтевших морских карт и коробки со старыми комиксами, донеслось сухое щёлканье.

Зак застыл, не успев сделать вдох.

Медный корпус часов вдруг стал обжигающе холодным, будто его вынули из морозилки супермаркета. Из-под старого холщового мешка, шурша сухими опилками, выкатилось нечто круглое. Перебирая шестью суставчатыми лапками, сделанными из тончайших часовых пружин, на освещённую полосу пола выбрался бронзовый жук величиной с бейсбольный мяч.

На его отполированной спине слабо пульсировал гранёный рубиновый огонёк. На голове у жука вместо усиков торчали крошечные заводные ключи, а в месте, где должны были быть глаза, поблескивали два увеличительных стекла от ювелирных луп.

— Внимание, субъект номер тринадцать! — раздался резкий, дребезжащий скрип прямо из металлического брюшка существа. Голос жука был на удивление чётким, язвительным и до боли напоминал мистера Хендерсона, строгого завуча средней школы Мейпл-Крик. — Вы только что вскрыли нулевую пломбу и активировали аварийный протокол «Вне Времени». До прибытия Ловцов Секунд осталось ровно во-

семьдесят семь ударов вашего левого предсердия.

— Чего?.. — Зак отшатнулся и едва не сшиб локтем башню из жестяных банок с машинным маслом. — Ты... ты радиоуправляемая игрушка? Дедушка купил тебя на барахолке?

— Игрушка?! — бронзовый жук возмущённо заскрежетал шестернями внутри себя и поджал передние лапки. — Какое вопиющее невежество! Я — Архиватор Четвёртого Разряда, персональный инспектор шестерёнчатого баланса, модель Т-100, для простолюдинов — Тик-Так. И вместо глупых предположений я настоятельно советую вам обратить взор на собственную корму, молодой человек. Восемьдесят три удара!

Зак инстинктивно оглянулся через плечо.

То, что он увидел, заставило его волосы на затылке встать дыбом.

Его собственная тень на дощатом полу больше не повторяла контуры тела. Она жила абсолютно отдельной, панической жизнью. Тень отлипла от половиц, поднялась на цыпочки, прижала чернильные ладони к воображаемым щекам, а затем принялась отчаянно махать Заку обеими руками, указывая в сторону массивного дедушкиного верстака.

— Моя тень... она... у неё что, истерика?! — выдавил Зак, вжимаясь спиной в книжный шкаф.

— Естественно! Тень привязана к потоку времени куда сильнее, чем ваше беспечное углеродное тело, — про-

тороторил Тик-Так, шустро перебирая пружинными ножками по пыльным половицам прямо к кедам Зака. — Когда время замерзает, тени отрываются первыми. А Ловцы Секунд питаются именно ими. Если они доберутся сюда, они высосут твою тень досуха, а без тени человек превращается в беспмятный манекен, который вечно бродит по кругу и бубнит расписание поездов за прошлый вторник. Семьдесят шесть ударов! Двигай конечностями, мальчишка! Под верстак! Живо! Дедушкин кошмароуловитель!

Страх подействовал лучше любого энергетика. Зак кубарем бросился к дубовому столу, заваленному отвертками, лупами и банками с крошечными винтиками.

Под столом, в паутине и пыли, действительно стоял странный предмет. Зак ожидал увидеть что-то высокотехнологичное — лазерную пушку или хотя бы огнетушитель. Но это был обычный на вид сачок для ловли бабочек. Правда, вместо сетки из марли к полированному латунному ободу крепился конус из тончайшей серебряной нити, сплетённой в замысловатые узоры, напоминавшие паутину геометра. Рукоять была сделана из тёмного морёного дуба и испещрена сотнями насечек.

Рядом лежал широкий кожаный пояс с кармашками и пара громоздких очков-консервов с шестью разноцветными линзами на шарнирах.

— Хватай очки и цепляй на нос! — командовал жук, карабкаясь по шнурку прямо на плечо Зака с поразительной

для механизма цепкостью. — И сачок держи двумя руками. Насечки на рукояти видишь? Дедушка вырезал их каждый раз, когда загонял обратно в шестерни очередного кошмарного гончего. Шестьдесят два удара! Твоё сердце колотится слишком часто, Зак! Ты сжигаешь драгоценные секунды!

— Легко сказать «не колотись»! — огрызнулся Зак, то-ропливо натягивая эластичный ремень очков на голову. Линзы были покрыты лёгкой испариной. Он сдвинул пальцем колёсико сбоку оправы, и мир окрасился в странный спектр: воздух чердака больше не казался прозрачным.

Теперь Зак отчётливо видел, что пространство пронизано сотнями светящихся струн — одни были тугими и золотыми, другие — синими и дрожащими. И все они тянулись к карманным часам в его кармане. Но хуже всего было другое. По углам чердака, там, где сгущалась глубокая тьма, эти струны начинали гнить и превращаться в липкую, маслянисто-чёрную жижу.

— Сорок девять ударов, — голос Тик-Така потерял менторский тон. В нём зазвучали металлические нотки искренней тревоги. — Они почуяли разрыв. Они уже на крыше.

Сверху раздался звук. Это не было похоже на шаги человека. Словно по жестяным скатам крыши медленно и тяжело волочили мешок, набитый битым стеклом и ржавыми гвоздями. *Шр-р-рах... шр-р-рах... хрясь.*

Температура на чердаке рухнула до нуля за считанные мгновения. Дыхание Зака вырвалось белым густым паром,

который тут же застыл в воздухе неподвижным облачком.

Внезапно старое слуховое окно пошло паутиной трещин. Не от удара — трещины появлялись сами по себе, словно само стекло забыло, как удерживать собственную форму.

Сквозь щели под карнизом внутрь поползли тени.

Это не были силуэты монстров из фильмов ужасов. Они напоминали силуэты людей, вырезанные из мятой чёрной газетной бумаги, но без лиц, без глаз и без краёв — их контуры постоянно дрожали и осыпались пеплом. Вместо пальцев у них торчали острые, длинные часовые стрелки, которые с мерзким скрежетом тёрлись друг о друга: *тик-чик, тик-чик, клац.*

— Ловцы, — выдохнул жук на плече мальчика. — Тридцать один удар. Слишком рано. Они использовали сквозняк Безвременья!

Зак сжал дубовую рукоять сачка так, что побелели костяшки пальцев.

Одна из теневых фигур плавно соскользнула с балки перекрытия и бесшумно приземлилась прямо между мальчиком и дверью, ведущей вниз, в дом. Тень Зака, до этого метавшаяся по полу, вдруг замерла и сжалась в тугой комок возле его кроссовок, словно испуганный щенок.

Существо вытянуло вперёд длинную, бесформенную руку. Стрелка-коготь на конце указательного пальца нацелилась прямо в пол — туда, где дрожала тень Зака. Воздух вокруг когтя закручивался в воронку, засасывая пыль и кро-

шечные замерзшие искорки света.

— Двадцать ударов! — крикнул Тик-Так. — Бей его ободом! Серебро не даёт им сомкнуть фазу!

Зак не стал раздумывать. Адреналин ударил в виски. Он шагнул вперёд и изо всех сил рубанул сачком наотмашь, как бейсбольной битой.

Серебряная сеть рассекла воздух со свистом, похожим на птичий крик. В то мгновение, когда латунный обод коснулся чёрного силуэта, раздался сухой электрический треск, будто в розетку сунули фольгу. Ослепительная вспышка белого света озарила чердак. Теневой ловец беззвучно разинул безглазую пасть, распался на сотни чёрных кружащихся хлопьев сажи и с шипением втянулся в серебряный конус сачка.

Рукоять в руках Зака дёрнулась, словно он поймал крупную щуку. На дубовом дереве вспыхнула и погасла ещё одна тонкая насечка.

— Есть! — заорал Зак, ошалев от собственной смелости.

— Рано радуешься, салага! — пискнул жук. — Смотри вверх! Девять ударов! Восемь!

Потолок буквально трещал по швам. Сквозь стропила, капля за каплей, словно густая смола, просачивались ещё полдюжины теневых тварей. Их стрелки-пальцы щёлкали в унисон, создавая жуткую какофонию: *тик-так-тик-так-тик-так-тик-так*. Выход через дверь был заблокирован — прямо на лестничном пролёте уже клубилась непроглядная мгла.

Оставался только один путь.

Зак бросился к круглому слуховому окну. Стекло уже полностью покрылось узором изморози.

— Выбивай! — скомандовал Тик-Так. — Три удара!

Зак ударил по раме плечом. Прогнившее дерево и хрупкое стекло поддались с жалобным хрустом, и мальчик кубарем вывалился наружу — прямо на покатую черепичную крышу дома номер 42 по Вязовой улице.

Холодный ветер не дул. Воздух на улице был неподвижен, словно желе.

Картина, открывшаяся глазам Зака, могла свести с ума любого взрослого.

Весь Мейпл-Крик замер. Ровно в три часа четырнадцать минут пополудни.

Внизу, на лужайке соседа мистера Абернати, зависла в воздухе идеальная дуга из водяных капель — автоматический полив включился секунду назад и превратился в хрустальный мост. Сам мистер Абернати стоял возле забора с садовыми ножницами, замерев в позе фламинго. На перекрёстке ярко-жёлтый школьный автобус застыл в заносе, и сквозь его прозрачные окна было видно, как Билли Миллер кидает в затылок водителю бумажный шарик. Шарик висел ровно посередине салона.

Ни звука. Ни лая собак. Ни шелеста листьев на вековых клёнах.

Мир превратился в гигантскую объёмную фотографию.

— Ноль, — меланхолично произнёс жук, вцепившись лап-

ками в воротник куртки Зака. — Официально заявляю: мы вывалились из временного континуума. Добро пожаловать в Нигде, мистер Фостер.

В этот момент черепица под ногами Зака задрожала. Из разбитого слухового окна чердака полезли длинные, похожие на паучьи лапы чёрные щупальца. Ловцы Секунд выбирались наружу.

— Скатывайся! — завопил Тик-Так. — На клён! Быстрее, пока они не перерезали твою временную нить!

Зак не стал спорить. Поскользнувшись на влажном мху, он съехал по скату крыши прямо к водосточному жёлобу, оттолкнулся ногами и прыгнул в пустоту, целясь в развилку старого клёна, росшего на границе их участка и сада семьи Чен.

Ветки хлестнули по лицу, но Зак удержался. Сачок опасно зацепился за сук, но парень дёрнул его на себя, ободрав ладонь. Переводя дыхание и судорожно цепляясь за шершавую кору, он посмотрел вниз.

И тут его сердце, едва начавшее замедляться, снова совершило кульбит.

Под деревом, прямо посреди застывшего сада, стояла девочка.

Это была Хлоя Чен — его соседка, главная отличница седьмого класса и человек, которого Зак старался избегать последние три года из-за её невыносимой привычки побеждать на всех научных ярмарках города. Хлоя была одета в

свой неизменный жёлтый дождевик и держала в руках толстый блокнот на пружине.

Но самое невероятное было не в этом.

Хлоя двигалась.

Она методично трогала пальцем зависшую в воздухе каплю воды из садового шланга, внимательно разглядывала её через карманную лупу и что-то быстро строчила карандашом в блокноте.

— Эй! — сипло крикнул Зак, чуть не сорвавшись с ветки.
— Хлоя!

Девочка вздрогнула, резко захлопнула блокнот и подняла голову. Её круглые очки в черепаховой оправе сверкнули на неподвижном солнце.

— Зак? — нахмурилась она, глядя на него снизу вверх, как на биологический образец сомнительного качества. — Какого чёрта ты сидишь на моём дереве с дедушкиным сачком и в водолазных очках? И... ты тоже видишь, что молекулярное движение в атмосфере только что упало до абсолютного нуля?

Сверху, с крыши дома Фостеров, донеслось грозное жестяное дребезжание. Чёрные силуэты начали стремительно спускаться по водосточной трубе, оставляя за собой полосы липкого инея.

— Хлоя, бросай блокнот и беги! — заорал Зак, соскальзывая с ветки прямо в густые кусты крыжовника. — Они идут за нашими тенями!

ГЛАВА 2. ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ В КУСТАХ КРЫЖОВНИКА

Приземление в кусты крыжовника — занятие, лишаящее человека всякого достоинства, особенно если за этим наблюдает круглая отличница школы.

Колючие ветки с треском сомкнулись над головой Зака, впиваясь в джинсы и рукава куртки. Очки-консервы съехали на кончик носа, а серебряный сачок застрял где-то в развилке колючего куста. Отплевываясь от прошлогодних сухих листьев, Зак кое-как выполз на траву и вскинул голову.

— Ты с ума сошел? — Хлоя даже не отступила ни на шаг. Она стояла над ним, сложив руки на груди, а её брови за толстыми стёклами очков сошлись на переносице. — Во-первых, это сортовой крыжовник моей мамы. Во-вторых, ты нарушил границы частной собственности. А в-третьих, если это очередной дурацкий розыгрыш к Хэллоуину, то объясни, почему соседская кошка зависла в полуметре от забора вниз головой?!

— Это не розыгрыш, Чен! — прошипел Зак, отчаянно выдирая сачок из ветвей. — Пригнись, говорю!

На крыше водосточный жёлоб издал протяжный стон. Металл затрещал, и по белой стене дома поползли длинные кляксы непроглядной черноты. Тени двигались с невозможной скоростью, перетекая по карнизу, словно разлитый по наклонному столу кофе. Вот только у этого «кофе» были су-

ставчатые руки и острые стрелки вместо пальцев.

Клац-тик. Клац-тик.

Звук был похож на стрекот десятка ножниц, которыми методично режут жестяные листы.

— Святая гравитация... — пробормотала Хлоя. Её идеальная академическая невозмутимость дала трещину. Блокнот с пружиной едва не выскользнул из тонких пальцев. — Что это за аномалия? Это... теневые проекции без источника света? Это нарушает все законы оптики!

— Они сейчас нарушат законы твоей анатомии, если не заткнешься, девочка! — высунулся из-за ворота Зака бронзовый жук. Тик-Так сердито шевелил лапками-пружинками, а рубин на его панцире вспыхивал тревожным алым пламенем. — Дорогая моя, у тебя в руках резонирующий элемент, поэтому ты до сих пор не превратилась в ледяную сосульку! Выворачивай карманы, живо!

Хлоя опешила. Её взгляд метнулся от говорящего механического насекомого к приближающимся по стене тварям.

— Мой карандаш... — машинально произнесла она, вытаскивая из кармана тяжелый механический карандаш из потускневшего серебра. — Он принадлежал прадедушке. На нем выбиты какие-то шестерни. Он завибрировал ровно в тот момент, когда всё вокруг затихло.

— Хроно-графит! — взвизгнул жук. — Конечно! Артур подарил его твоему прадеду за карточный долг сорок лет назад! Зак, поднимай свой ленивый корпус, они на земле!

Теневые фигуры спрыгнули с водостока. Их было трое.

При падении они не издали ни звука, но трава под их бесформенными стопами мгновенно покрылась хрустящим инеем. Воздух в саду стал настолько холодным, что у Зака перехватило дыхание. Твари выпрямились во весь рост — долговязые, колышущиеся силуэты высотой больше двух метров. Их лица были пугающе гладкими, словно черные провалы в ткани мира, и только кончики пальцев — острые минутные и часовые стрелки — дрожали, выискивая цель.

Их целью была Хлоя. Точнее, её тень.

Тень Хлои, одетая в теневой желтый дождевик, в ужасе прижалась к ногам хозяйки и закрыла голову руками.

Один из Ловцов метнулся вперед, вытянув руку-клинок. Воздух с визгом закружился воронкой.

— Назад! — заорал Зак.

Не думая о последствиях, он прыгнул наперерез чудовищу, взмахнув сачком обеими руками снизу вверх. Серебряная сеть с гулом рассекла воздух.

Раздался оглушительный треск, словно взорвалась неоновая вывеска. Обод сачка врезался в запястье монстра. Черная субстанция зашипела, вскипая миллионом крошечных белых искр. Ловец издал беззвучный крик, сотрясший саму ткань пространства: у Зака заложило уши, а в глазах на секунду потемнело. Теневая рука рассыпалась хлопьями сажки, но оставшиеся двое ловцов уже обходили их с флангов.

Их стрелки на пальцах щелкнули, готовясь вонзиться пря-

мо в контуры теней ребят.

— Хлоя, сарай! — крикнул Зак, пятясь назад и размахивая светящимся сачком, словно шпагой. — Там тяжелая железная дверь!

— Железо их не удержит, идиот, они бестелесны! — крикнула Хлоя в ответ, но ноги сами понесли её по замерзшей дорожке.

Однако просто убежать Хлоя Чен не умела. Даже в панике её мозг продолжал вычислять переменные. На бегу она заметила застывший в воздухе веер капель от разбитой поливалки мистера Абернати. Водяная дуга висела неподвижно, сверкая на замерзшем солнце, как гигантская стеклянная люстра.

Хлоя резко затормозила, сорвала с шеи лупу на бронзовой цепочке и, выставив её вперед, поймала солнечный луч, направив сфокусированный белый зайчик прямо сквозь зависшие капли воды.

Сработал эффект призмы. Солнечный свет, преломившись в десятках застывших линз, вспыхнул ослепительным радужным веером.

Ближайший Ловец Секунд, уже занесший когти над Заком, случайно шагнул в этот сноп концентрированного спектра.

Эффект превзошел все ожидания.

Тварь забилась, словно попала под струю раскаленной кислоты. Черный силуэт покрылся белыми трещинами, за-

дымился и с яростным шипением отпрянул назад, в густую тень под кроной старой яблони.

— Они боятся преломленного света! — торжествующе крикнула Хлоя, её щеки пылали. — У них нулевой показатель поглощения спектра! Зак, бегом к двери!

Зак не заставил себя упрашивать. Подхватив сачок, он рванул к старому сараю дедушки Артура, притулившемуся между двумя участками. Это было приземистое строение из потемневшего от времени бутового камня, наполовину вросшее в холм. Вместо обычного замка на тяжелой дубовой двери красовался огромный диск с двенадцатью делениями, напоминавший корабельный люк или банковский сейф.

— Код! Какой код?! — Хлоя первой добежала до двери и судорожно вцепилась в латунный штурвал посередине.

— Откуда мне знать?! — выдохнул Зак, оборачиваясь.

Третий ловец оправился от шока. Тот, которому Зак снес руку сачком, уже восстанавливал свое предплечье — чернильный дым клубился, формируя новые зазубренные стрелки. Они двигались синхронно, прижимаясь к земле, словно гигантские пауки, готовые к смертоносному прыжку. До них оставалось меньше десяти метров.

— Код — это время чаепития королевы Виктории, недоумки! — завопил с плеча Зака жук Тик-Так. — Пять часов и пятнадцать минут! Крути малый диск по солнцу, большой — против!

Хлоя среагировала мгновенно. Её пальцы уверенно крута-

нули массивные латунные диски: *щелк, щелк, щелк*. Внутри каменной кладки с глухим грохотом провернулись тяжелые противовесы. Раздался протяжный шипящий выдох сжатого воздуха, и тяжелая дверь сдвинулась с места, приоткрывшись внутрь.

Из темноты пахло машинным маслом, сушеной лавандой и холодной медью.

— Залезайте! — Зак втолкнул Хлою в проем, а сам развернулся, вскинув серебряную сеть.

Один из ловцов бросился вперед. Его ледяное дыхание обожгло лицо мальчика запахом могильного холода и пепла. Стрелка-коготь просвистела в миллиметре от его носа, срезав прядь каштановых волос. Зак отбил удар ободом, чувствуя, как отдача отзывается тупой болью в плече, кубарем вкатился внутрь сарая и навалился спиной на тяжелую дубовую створку.

Хлоя навалилась рядом. Вдвоем они с силой захлопнули дверь и провернули запорный штурвал.

В ту же секунду с наружной стороны в дерево со страшной силой ударили десятки когтей. *Шурх-клац-хрясь!* Доски затрещали, но выдержали. Сквозь замочную скважину потянуло ледяным сквозняком, но на каменных косяках внезапно вспыхнули вырезанные древние символы — шестеренки и перекрещенные стрелы, — и удары снаружи прекратились, сменившись бессильным скрежетом.

Зак сполз по двери на каменный пол, тяжело хватая ртом

воздух. Сердце колотилось где-то в горле.

— Девяносто ударов... — прохрипел он. — Мы... мы оторвались?

— Временно, — сухо отозвался Тик-Так, спрыгивая с плеча мальчика на деревянный ящик. Жук щелкнул надкрыльями, вычищая застрявшую соринку. — Дверь зачарована Артуром на отражение фазовых аномалий. Сюда они не сунутся. Но снаружи — весь наш город. И если мы ничего не предпримем, Ловцы Секунд высосут тени у всех жителей Мейпл-Крик до заката. Который, кстати, никогда не наступит, потому что чертово солнце застряло на трех часах дня!

Хлоя медленно опустила на корточки перед жуком. Она поправила съехавшие очки, достала из кармана механический карандаш и решительно перелистнула страницу в своем блокноте.

— Итак, — произнесла она совершенно спокойным, деловым тоном, хотя её пальцы все еще мелко дрожали. — Пункт первый: мы находимся внутри пространственно-временного коллапса. Пункт второй: меня консультирует говорящий бронзовый жук с манерами британского аристократа. И пункт третий...

Она подняла глаза на Зака. В полумраке сарая её взгляд жег почище сфокусированного солнечного луча.

— Фостер. Что, во имя всех законов физики, ты натворил в дедушкиной мастерской?

Зак виновато нащупал в кармане холодный корпус кар-

манных часов с трёхглазым вороном. Он знал: врать Хлое Чен было так же бесполезно, как пытаться остановить поезд ладонью.

Готовы ли мы спуститься по тайной винтовой лестнице вглубь Подциферблатя, пока Ловцы не нашли другой путь внутрь?

ГЛАВА 3. ЛЕСТНИЦА В ПОДЦИФЕРБЛАТЬЕ

Под пристальным взглядом Хлои даже стальной сейф почувствовал бы себя неуютно.

Зак тяжело вздохнул и медленно вытащил из внутреннего кармана куртки карманные часы. Холодный металл тут же заставил пальцы онеметь. Потемневший корпус с выгравированным трёхглазым вороном тускло блеснул в полумраке каменного сарая, а тонкие стрелки продолжали с бешеным стрекотом нарезать круги в обратную сторону.

Хлоя замерла. Её выверенный аналитический ум на секунду споткнулся о невозможность происходящего, но любопытство мгновенно пересилило шок. Она сделала шаг вперед и наклонилась, разглядывая гравировку через ювелирную лупу.

— Механизм Торнтонa конца девятнадцатого века, — прошептала она, и в её голосе впервые прозвучало нечто похожее на благоговение. — Но корпус... он сделан из сплава, которого попросту нет в периодической таблице Менделеева. И стрелки вращаются против часовой стрелки со скоро-

стью шестьдесят оборотов в минуту, хотя заводная пружина внутри даже не натянута! Зак, где ты это откопал?

— На чердаке, — виновато буркнул Зак. — Я просто потряс их... ну, совсем чуть-чуть.

— «Чуть-чуть»! — Тик-Так с возмущённым грохотом прыгнул с ящика прямо на медный лист верстака. — Ты сорвал шпонку Нулевого Маятника, бестолковый прямоходящий организм! Это не просто дедушкина безделушка. Это Хроно-Ключ от Главного Редуктора. И хуже всего то, что Артур уехал вовсе не на научную конференцию.

Зак похолодел. Дурное предчувствие кольнуло под ребрами.

— А куда?

— В Бостоне отродясь не водилось никаких часовщиков-еретиков, — жук сердито защёлкал надкрыльями, выпуская крошечное облачко пара из брюшка. — Твоего дедушку вызвали на экстренное заседание вниз. В Подциферблатье. И судя по тому, что Ловцы Секунд уже безнаказанно пожирают наш город, Редуктор заклинило. Времени больше нет, дети мои. В буквальном смысле слова. Если мы не запустим Сердце Времени заново, этот остановившийся полдень станет последним мгновением для всей вселенной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.